

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Николай Ивановичъ Веселовскій.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ В. В. Бартольдъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 24 (11) апрѣля 1918 г.).

$\frac{12 \text{ апрѣля}}{30 \text{ марта}}$ текущаго года скончался на 70-мъ году жизни членъ-корреспондентъ Академіи (съ 1914 г.), заслуженный профессоръ Петроградскаго Университета Николай Ивановичъ Веселовскій.

Болѣе чѣмъ сорокалѣтняя научная дѣятельность покойнаго тѣсно при-
мыкаетъ къ тому направленію въ русскомъ ориентализмѣ, главнымъ пред-
ставителемъ котораго былъ его учитель и предшественникъ по кафедрѣ,
В. В. Григорьевъ. Специализаціи въ области востоковѣдѣнія повсюду
предшествовалъ періодъ болѣе экстенсивной, чѣмъ интенсивной работы,
цѣли которой въ каждой странѣ опредѣлялись различно, въ зависимости
отъ болѣе общихъ научныхъ интересовъ, прежде всего интересовъ отече-
ственной исторіи. Вниманіе русскихъ ориенталистовъ не могли не привлечь
къ себѣ кочевые народы Средней Азии и южно-русскихъ степей. Съ исторіей
этихъ народовъ тѣсно связана исторія самой Россіи; научный матеріалъ до-
ступенъ русскимъ изслѣдователямъ въ большей степени, чѣмъ западно-
европейскимъ, и русской наукѣ въ этой области, какъ въ области изученія
Дальняго Востока, было легче встать на самостоятельный путь, чѣмъ въ
области изученія культурной Передней Азии. Другимъ преимуществомъ этой
отрасли востоковѣдѣнія было сравнительное обиліе этнографическаго па-
рхеологическаго матеріала, быстрѣе, какъ казалось, приводившаго къ обобщеніямъ,
чѣмъ требовавшіе долготѣлней подготовки и кропотливыхъ изысканій

литературные источники. Казалось возможным возстановить картину исторической жизни исключительно по археологическим данным; еще покойный Николай Иванович находилъ вполне правильнымъ методъ проф. Григорьева, который въ своемъ трудѣ «О куваческихъ монетахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи», «не обращаясь ни къ какимъ письменнымъ источникамъ, заставлялъ монеты говорить за себя»¹. Надъ изученіемъ письменныхъ источниковъ иногда были склонны преждевременно ставить крестъ: проф. Григорьевъ еще въ 1860 г. писалъ, что «на увеличеніе нашего запаса свѣдѣній объ исторіи Золотой Орды» путемъ открытія новыхъ «бумажныхъ памятниковъ нѣтъ почти никакой надежды», тогда какъ «каждый большой, становящійся извѣстнымъ кладъ изъ золотоордынскихъ монетъ увеличиваетъ этотъ запасъ новыми датами, именами новыхъ хановъ и городовъ и другими данными первостепенной важности»². Впослѣдствіи выяснилось, какъ ненадежны были эти данныя, благодаря которымъ наукой были созданы никогда не существовавшіе ханы, какъ Бердибекъ II и Джанибекъ III³. Съ другой стороны, мнѣніе Григорьева о «бумажныхъ памятникахъ» черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ было опровергнуто «Сборникомъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды», бар. В. Г. Тизенгаузена, причемъ этимъ сборникомъ широко воспользовался для своихъ статей о Золотой Ордѣ ученикъ Григорьева, Н. И. Веселовскій.

Занятія Николая Ивановича въ этой области начались еще на студенческой скамьѣ; въ 1873 г. онъ былъ удостоенъ золотой медали за сочиненіе на тему, предложенную проф. Григорьевымъ, о податяхъ и повинностяхъ, взимаемыхъ монголами съ покоренныхъ народовъ⁴. Къ вопросамъ, связаннымъ съ исторіей татарскаго владычества, Николай Ивановичъ впослѣдствіи возвращался много разъ, начиная со статьи о Куликовской битвѣ, напечатанной въ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., по случаю четырехсотлѣтія этого событія, и кончая рецензіей на трудъ М. Д. Приселкова «Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1917 года. Въ

¹ В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 276.

² Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 240. Ср. слова бар. Розена въ ЗВО. XVI, 234.

³ Ср. предисловіе къ «Инвентарному каталогу мусульманскихъ монетъ Имп. Эрмитажа» А. Маркова.

⁴ Отзывъ объ этой работѣ напечатанъ въ «Протоколахъ засѣданій совѣта Имп. С.-Иб. унив.», № 7, стр. 121 сл.

и некоторых из этих статей, как и в работах Григорьева, затрагиваются общие вопросы, относящиеся не только к татарам, но вообще к государственной жизни и религиозным верованиям средне-азиатских кочевников-шаманистов. Для разрешения этих вопросов ученым чаще всего приходится обращаться к сведениям монгольского периода, так как этими сведениями, благодаря исключительной обширности монгольских завоеваний и сравнительному обилию источников, объясняются многие из дошедших до нас отрывочных данных о более ранних кочевых народах. Такой характер имеет например статья Николая Ивановича «О религии татар по русским летописям»¹. Даже для выяснения таких памятников преимущественно до-монгольской эпохи, как «каменные бабы», незамысловатым источником оказалось сочинение монгольского периода, описание путешествия Рубрука². Археологических изысканий на местах золотоордынских городов Николай Иванович не производил, хотя в его статьях о Золотой Орде затрагивались и археологические вопросы, как вопрос о местоположении города Гюлистана³. Из личных бесед с покойным мне известно, что он придавал большое значение развалинам Сарая и находил, что постройки этого города, в противоположность средне-азиатским, дают материал и по истории русской архитектуры. В печати этот взгляд, насколько мне известно, им выражен не был.

Время окончания Николаем Ивановичем университетского курса совпало с хивинским походом 1873 г. Под влиянием современных ему событий, молодой ученый, оставленный при университете для приготовления к занятию кафедры истории Востока, избрал темой для своей магистерской диссертации «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». Как отмечает и сам автор в предисловии, истории средневекового культурного Хорезма в этом труде отведено гораздо меньше места, чем истории Хивинского ханства при узбекском владычестве, составленной главным образом по рассказам русских послов и путешественников и собранным в России разрозненным сведениям.

Такой же характер носили и впоследствии труды Николая Ивановича

¹ ЖМНП. 1916 г., июль, стр. 81 сл.

² Ср. статью Николая Ивановича «Современное состояние вопроса о каменных бабах или балбалах» (Зап. Имп. Одесского Общ. Ист. и Древн., XXXII, 1915).

³ О местоположении Гюлистана при-Сарайского (Киев 1907, изд. Сборника статей имени проф. В. Е. Антоновича). — Загадочный Гюлистан Золотой орды (ЗВО. XXI, 53 сл.).

по исторіи средне-азиатскихъ государствъ. Капитальныхъ историческихъ изслѣдованій, которыя могли-бы быть поставлены рядомъ съ трудами Григорьева и въ особенности Вельяминова-Зернова, мы среди этихъ трудовъ не находимъ; уровень познаній Николая Ивановича въ восточныхъ языкахъ не давалъ ему возможности производить самостоятельныя изысканія по первоисточникамъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось издавать и переводить восточные тексты, онъ обыкновенно обращался къ содѣйствию представителей соотвѣтствующихъ лингвистическихъ специальностей. Съ другой стороны сношенія Россіи съ восточными государствами въ московскій періодъ и въ XVIII в. оставались однимъ изъ главныхъ предметовъ его занятій съ 1881 г., когда имъ въ первый разъ была получена научная командировка въ Москву для занятій въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, до конца его жизни¹. Значительный интересъ представляютъ также собранные Николаемъ Ивановичемъ во время годичной командировки 1884 — 5 г. и послѣдующихъ поѣздокъ въ Туркестанъ, наряду съ археологическимъ и этнографическимъ матеріаломъ, народныя преданія и рассказы современниковъ объ историческихъ событіяхъ².

Годичная командировка 1884 — 5 г. была получена Николаемъ Ивановичемъ отъ Императорской Археологической Комиссіи и имѣла цѣлью производство археологическихъ изысканій на мѣстѣ историческихъ городовъ Туркестана. Среди научныхъ заслугъ Николая Ивановича раскопкамъ 1885 г.³ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Археологическое изученіе Туркестана впервые было поставлено на правильную почву; впервые были собраны точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о находимыхъ въ краѣ археологическихъ предметахъ и опредѣлено время, къ которому они относятся; нѣкоторыми находками, особенно статуэтками, указывающими на вліяніе греческаго искусства, и предметами стекляннаго производства⁴ были внесены новые факты въ исторію мірового культурнаго общенія. Находки, сдѣланныя въ Туркестанѣ впоследствии, большею частью подтверждали соображенія Николая Ивановича, не перестававшаго слѣдить за этими находками съ жи-

¹ Главнымъ трудомъ Николая Ивановича въ этой области были изданные имъ три тома «Памятниковъ сношеній Московской Руси съ Персіей» (1890 — 98).

² Ср. его труды «Киргизскій рассказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ» (С.-Пб. 1894) и «Бадаулетъ Якубъ-Бекъ, аталыкъ кашгарскій» (ЗВО. XI, 87 сл.).

³ Ср. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1882 — 88 годы, С.-Пб. 1891, стр. LXI сл. и рядъ статей Николая Ивановича въ ЗВО, особенно «Существуютъ ли въ Средней Азій поддѣлки древностей?» (I, 110 сл.) и «Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края» (II, 221 сл.).

⁴ Ср. объ этомъ замѣтку Николая Ивановича въ ЗВО. VIII, 137.

живымъ интересомъ и еще въ 1916 г. посвятившаго имъ одинъ изъ своихъ докладовъ въ восточномъ отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества¹.

Въ томъ же отдѣленіи Николаемъ Ивановичемъ былъ прочитанъ въ мартѣ 1886 г. докладъ объ одномъ изъ самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ, Шахи-зінудэ²; изъ этого видно, что имъ тогда же, наряду съ производствомъ раскопокъ, было обращено вниманіе на необходимость изученія памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли. Средства, назначенныя для этой цѣли изъ государственнаго казначейства, позволили Николаю Ивановичу въ 1895 г. приступить къ работамъ въ болѣе широкомъ масштабѣ; результатомъ, кромѣ перваго и до сихъ поръ единственнаго выпуска роскошнаго изданія «Самаркандскія мечети»³, было нѣсколько докладовъ Николая Ивановича въ восточномъ отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества⁴. Въ этой части своей дѣятельности Николай Ивановичъ былъ нѣсколько менѣе счастливъ, чѣмъ въ своихъ раскопкахъ; его догадки о происхожденіи и назначеніи построекъ основывались на недостаточномъ матеріалѣ и не всегда были удачны⁵; не удавалось также привлечь необходимыхъ силы и получить необходимыхъ средства для собиранія, изученія и изданія матеріала: До настоящаго времени мы ни для одного изъ архитектурныхъ памятниковъ Туркестана не имѣемъ полнаго научнаго описанія; еще менѣе можно было-бы надѣяться, въ близкомъ будущемъ, на болѣе широкую постановку вопроса объ изученіи этихъ построекъ XIV—XV вв., какъ памятниковъ не только искусства, но всей культурной жизни соотвѣтствующей эпохи.

Съ 1889 г. начались раскопки Николая Ивановича, также по порученію Археологической Комиссіи, въ Таврической губерніи, перенесенныя съ 1896 г. въ Кубанскую область. Предметомъ раскопокъ были такъ называемые скискіе курганы; результаты обратили на себя вниманіе всего ученаго міра и были предметомъ ряда докладовъ и статей какъ самого Николая Ивановича, такъ и другихъ ученыхъ. Споръ о тиарѣ Сайтаферна,

¹ ЗВО. XXIV, стр. XVIII (докладъ «О греческихъ изображеніяхъ на туркестанскихъ оссуаріяхъ»).

² ЗВО. I, стр. IX.

³ Ср. объ этомъ изданіи ЗВО. XVII, 0181 сл.

⁴ О мазарѣ Кутби-Чаардегумъ (14 марта 1896 г., ЗВО, X, стр. XIV); О надгробіи Тимура (1 мая 1903, ЗВО. XVI, стр. XI); О первоначальномъ мѣстѣ погребенія Тамерлана (22 января 1904, *ibid.*, стр. XX); О первомъ выпускѣ альбома самаркандскихъ мечетей (29 сент. 1905, ЗВО. XVII, стр. XIII).

⁵ Ср. ЗВО. XXIII, 1 сл.

перешедший на страницы общей печати и кончившийся полной победой Николая Ивановича, наглядно доказалъ правильность методовъ, выработанныхъ русской археологической наукой. Находки относились къ различнымъ періодамъ, начиная съ эпохи до-микенской культуры¹, и изученіе ихъ требовало цѣлаго ряда сложныхъ изслѣдованій. Въ статьѣ о курганахъ Кубанской области² Николай Ивановичъ находилъ нужнымъ отстаивать значеніе археологій, какъ самостоятельной науки, а не «служанки другихъ наукъ», и доходилъ до нѣсколько рискованнаго утвержденія, что фактъ господства римлянъ на сѣверномъ Кавказѣ могъ-бы быть установленъ путемъ курганныхъ находокъ, даже если-бы о немъ не было никакихъ письменныхъ извѣстій. По поводу другого вопроса, о Тмутараканскомъ камнѣ, самъ Николай Ивановичъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ по времени статей³ указалъ на ошибки изслѣдователей, не считавшихся съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли Болгарія и Византія на южно-русскій языкъ и письменность», т. е. съ такимъ культурно-историческимъ фактомъ, который могъ быть установленъ только путемъ изученія литературныхъ данныхъ.

Въ исторію русской археологической науки, несомнѣнно, оставить слѣдъ преподавательская дѣятельность Николая Ивановича, съ 1892 г., въ Археологическомъ Институтѣ, во главѣ котораго онъ стоялъ въ послѣдніе годы своей жизни. Вообще дѣятельность Николая Ивановича въ ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ, благодаря его отзывчивости, широтѣ его научныхъ интересовъ и общему уваженію, которымъ онъ пользовался, далеко выходила за предѣлы его собственныхъ работъ. Въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ онъ съ 1887 до 1910 г. состоялъ помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи и былъ редакторомъ нѣсколькихъ изданій Общества⁴; въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ онъ принималъ почти такое же дѣятельное участіе въ работахъ отдѣленія русской и славянской археологій⁵, какъ въ работахъ восточнаго отдѣленія,

¹ Алебастровыя и глиняныя статуэтки до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ, С.-Пб. 1910 (Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 35).

² Труды Харьк. археол. съѣзда 1902 г., I, 344 сл.

³ Къ исторіи открытія Тмутараканскаго камня (Вѣстн. Арх. и ист., издаваемый Арх. Институтомъ, вып. XXII).

⁴ Записки по отд. Этнографіи, т. X, вып. 2 (путешествіе кап. Унковскаго) и т. XXIX (сочиненія Ч. Ч. Валиханова).

⁵ Въ 1898 г. имъ совмѣстно съ А. А. Спицынымъ была представлена въ отдѣленіе записка о возобновеніи раскопокъ, прерванныхъ съ 1886 г.; съ того времени обоими учеными ежегодно представлялись проекты о томъ, какія раскопки должны быть поставлены на очередь въ данномъ году.

избравшаго его въ 1908 г. своимъ управляющимъ. Помимо дѣятельности въ этихъ обществахъ и въ Археологической Комиссіи, въ которой онъ состоялъ съ 1892 г. сверхштатнымъ, съ 1895 г. старшимъ членомъ, Николай Ивановичъ съ 1909 г. былъ предѣдателемъ разряда военной археологiи и археографіи Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, въ изданiяхъ котораго имъ въ 1914 г. были напечатаны труды «Походы монголовъ на Россію по официальной китайской исторiи Юань-ши» (вмѣстѣ съ проф. А. И. Ивановымъ) и «Военно-историческій очеркъ города Анапы»¹. Какъ и его учитель В. В. Григорьевъ, Николай Ивановичъ былъ авторомъ ряда трудовъ не только по исторiи русскаго востоковѣдѣнія², но и русской науки вообще³.

Если для Николая Ивановича, какъ и для его учителя и предшественника, не было научныхъ интересовъ внѣ интересовъ родины, то для него не было также ни политическихъ, ни патріотическихъ стремленій, враждебныхъ интересамъ науки и культуры. Примыкая по своимъ политическимъ взглядамъ къ крайнему консерватизму, онъ принималъ участіе въ чествованіи профессоровъ, удаленныхъ изъ университета произволомъ властей; будучи патріотомъ-націоналистомъ, онъ открыто и рѣшительно осуждалъ такія анти-культурныя дѣйствія, какъ переименованіе историческихъ городовъ и урочищъ. Столь же рѣдкой и цѣнной въ настоящее время чертой была его исключительная преданность долгу. Николай Ивановичъ не допускалъ для себя никакой синекуры, не только въ элементарномъ, денежномъ, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Для него не существовало права, хотя бы почетнаго, безъ обязанностей; такъ избраніе въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ налагало на него, по его мнѣнію, обязанность принять участіе въ научной дѣятельности Академіи, чѣмъ и было вызвано представленіе имъ нѣсколькихъ статей для академическихъ изданій.

Несомнѣнно, что движеніе русской науки во многихъ отношеніяхъ пойдетъ иными путями, чѣмъ пути, которыми шелъ Николай Ивановичъ. Успѣхи науки неразрывно связаны со специализаціей и съ переходомъ отъ экстенсивной работы къ интенсивной; археологическими открытіями въ Китайскомъ Туркестанѣ исторiи Средней Азiи, какъ наукѣ, поставлены новыя

¹ Оба труда напечатаны въ «Запискахъ разряда военной археологiи и археографіи».

² Главный изъ нихъ — «Свѣдѣнія объ официальном преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (Труды 3-го междунар. съѣзда ориент., I, 97 сл.). Ср. также «Матеріалы для исторiи Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», вып. I, С.-Пб. 1905.

³ Имъ составлена «Исторiя Имп. Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія» (С.-Пб. 1900).

задачи; представлѣніе объ археологіи, какъ самостоятельной наукѣ, все болѣе уступаетъ мѣсто представленію объ археологіи, какъ неразрывной части общей исторической науки. Но будущіе историки и археологи, конечно, не забудутъ, чѣмъ они обязаны трудамъ своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и ихъ ошибкамъ. Независимо отъ благодарности покойному Н. И. Веселовскому за его долготѣльную научную и преподавательскую дѣятельность, его образъ останется въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать, какъ образъ человѣка культуры и человѣка долга въ лучшемъ смыслѣ этого слова.
